

ПЕЧАТЪ И ИСКУССТВО

А. П. Чеховъ. (1902 г.)
(Къ 10-лѣтію со дня кончины—2 июля).

XVIII годъ изданія. 1914
№ 26

тоскующей предсмертной тоскою, все так же мало и мимоходомъ...

Чеховъ не былъ натурой дѣйственной, активной, волевою. Объ этомъ, если читатели припомнятъ, я писалъ уже неоднократно. Онъ не былъ также страстенъ. Все это, въ связи съ процессомъ обмирания, вело къ созерцательно-эстетическому міроотношенію. Дѣйственное всегда находится въ большемъ или меньшемъ противорѣчій съ эстетическимъ. У Тургенева, съ которымъ у Чехова было много точекъ соприкосновения,—гораздо больше, чѣмъ съ Достоевскимъ или Толстымъ,—очень ясно проведена эта параллель дѣйствія, всегда физиологическаго и матеріалистическаго, и бездѣйственнаго эстетическаго устремленія. Остроумовъ въ «Нови», одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ революціонеровъ, носилъ грубые сапоги, подбитые гвоздями,—Неждановъ, наименѣе дѣйственный, писалъ стихи. Павелъ Кирсановъ вѣрилъ въ «принципы» и любилъ поэтовъ. Базаровъ рѣзалъ лягушекъ и смѣялся надъ Пушкинымъ. Чеховъ ближе по своей натурѣ къ первымъ. Чеховъ не горѣлъ въ огнѣ неугасимой страсти, но вся душа его была въ ровной, безграничной, тихой, какъ степь, красотѣ. Какъ истинный пессимистъ—а Чеховъ былъ пессимистомъ чистой воды—онъ зналъ радости и цѣли только отрицательныя, негативныя. Хочу, чтобы жизнь была красива; хочу, чтобы жизнь была изящна; хочу, чтобы въ Москвѣ не было кривыхъ улицъ. И всѣ мечтаютъ о томъ, что когда нибудь «жизнь будетъ невообразимо прекрасна», что «жизнь превратится въ цвѣтущій садъ», и будетъ «необыкновенно легка и удобна». И Чеховъ страдаетъ, главнымъ образомъ, не отъ аморальности жизни, а отъ ея пошлости и грубости; не отъ того, что жизнь полна горя, а отъ того, что она сѣрая и бездарная, что полна грязи. «Зачѣмъ эта жизнь такъ скучна и бездарна?»—спрашиваетъ архитекторъ въ рассказѣ Чехова. Почему—тоскуетъ Ивановъ—нѣтъ яркихъ красокъ и звуковъ? Отчего исчезли лѣса и лебеди?—вздыхаетъ Астровъ. Что такое лебедь? Полезность? экономическое благополучіе? социологическая справедливость? любовь къ человѣчеству? наука, знаніе, культура, справедливость? Нѣтъ, лебедь—это «изящное», пре-эстетическое начало, въ которомъ растворяются страданія, которое, какъ ласковымъ зефиромъ, сдуваетъ налетъ пошлости и мѣщанства.

Чеховъ страдаетъ отъ жизни, потому что ея фізіологія груба, банальна, топорна. Она эстетически неоправдана. Романъ Астрова и профессорши въ

З а м ѣ т к и.

Десять лѣтъ, прошедшихъ со смерти Чехова, не только не отдалили отъ насъ образъ покойнаго, но наоборотъ, приблизили. За это время съ Чеховымъ особенно жились и крѣпко его полюбили. Большинство русскихъ писателей взяло отъ жизни «возможную дань», и посмертное къ нимъ обращеніе являлось результатомъ всего, что общество питало къ нимъ при жизни. О Чеховѣ при жизни было сравнительно мало разговоровъ. Я просматривалъ какъ то толстую книгу г. Подольскаго, представляющую перепечатку разныхъ статей о Чеховѣ,—перепечатку, кстати сказать, едва ли сдѣланную съ особеннымъ вкусомъ. Въ огромнѣйшей части, перепечатанныя статьи и замѣтки были написаны уже по смерти Чехова. Весьма характерно! И еще о другомъ я думалъ,—просматривая толстую книгу—о томъ, что послѣ смерти Чехова многимъ стыдно стало за равнодушіе и холодность къ нему.

Когда Чеховъ умеръ, когда оглянулись на жизнь его и на дѣятельность, то вдругъ стало какъ то ясно, что Чеховъ былъ очень несчастный человѣкъ. Надломленный цвѣтокъ, наивное дитя, умное, талантливое, необычайно интересное, но съ какимъ то органическимъ недугомъ, отчего глаза свѣтились еще глубже и лицо было обвѣяно еще большей грустью. И становилось досадно, что вотъ этого, главнаго, не примѣтили—что онъ «не жилецъ» былъ на этомъ свѣтѣ, давно уже не жилецъ, и что корили его зря—почему, молъ, не держится прямо, не кричитъ во всю глотку «да здравствуетъ свобода!» или «да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!»—тогда какъ ничего этого онъ не могъ, ибо былъ не жилецъ среди насъ, а особенный, тихій, несчастный и страдающій, но старавшійся объ этомъ не подавать виду.

Потомъ старались наверстывать. И Боже мой, какъ старались! Не только Чехову простили, зачѣмъ не требовалъ восьмичасоваго рабочаго дня, но даже нашли что сказать въ его оправданіе! Хотя о душѣ Чехова,

А. П. Чеховъ на смертномъ одрѣ.

Чеховскіе типы.

«Дядя Ваня» очарователен именно этим стыдом за физиологию. Стыд предъ физиологіею, а не мотини и соображенія этики и морали удерживаютъ Астрова и Елену Андреевну. Астровъ какъ то пробуетъ наметнуть на поэтическія развалины во вкусъ Тургенева, «куда» хорошо бы удалиться, но не настаиваетъ. Чрезвычайно быстро, едва натолкнувшись на препятствіе, Астровъ отстраняется. Среди многихъ грубостей, которыми Художественный театръ награждаетъ Чехова, самая неприятная для меня грубость была физиологическая эротика г. Станиславскаго въ сценѣ съ профессоршей. Такъ извратить Чехова и его эстетическое міроотношеніе совершенно непростительно. Чеховское цѣломудріе—результатъ его стремленія къ «изящному», къ «невообразимо прекрасному». Когда физиологическая жизни не кричитъ голосомъ инстинкта, не окрашена темпераментомъ и не воспламенена безразсудствомъ страсти, она ужасна въ мѣщанствѣ своемъ, въ неизреченной своей пошлости. Она въ состояніи тогда вызвать «припадокъ», какъ у того студента изъ разсказа Чехова, который побѣхалъ въ домъ терпимости. Когда нѣтъ аппетита и разстроены физиологическіе процессы—подумайте, сколько тягостнаго и пошлаго въ процессы питанія и пищеваренія! Какъ невообразимо тяжело чувствовать огромное брюхо, занимающее половину организма! Что долженъ испытывать мозгъ, обнимая міръ и сложнѣйшія чувства его, находясь въ рабствѣ у этого огромнаго котла животной энергіи!

Была ли у Чехова своя идеальная форма жизни? Не думаю. Имъ смутно чувствовалась красота, какъ спасеніе отъ ужаса мѣщанства. Въ разсказѣ «Красавицы» читаемъ: «Передо мною стояла красавица, и я понялъ это съ перваго взгляда, какъ понимаю молнію. Всѣ глядятъ на закатъ и всѣ до одного находятъ, что онъ страшно красивъ, но никто не знаетъ и не скажетъ, въ чемъ тутъ красота... Я взглянулъ въ лица

дѣвушки, и вдругъ почувствовалъ, что точно вѣтеръ пробѣжалъ по мой душѣ и сдунулъ съ нея всѣ впечатлѣнія дня съ ихъ скукой и пылью». Красота должна сдунуть «пыль» повседневности. О красотѣ мечтаешь, потому что сейчасъ некрасиво... Такъ мечтаешь, мучимый жаждой о водѣ. Это не есть исповѣданіе догмата. Это не религія красоты, а страданіе по красотѣ, оскорбляемой грубой жизнью и главнымъ образомъ, ея физиологіей. Красота у Чехова единственная свѣтотѣнь жизни. Красота, какова бы она ни была. Красота какъ смутный идеалъ, какъ дополнительная дробь повседневности. Въ разсказѣ «Вѣдьма» некрасивому, противному дьячку противопоставляется дьячиха, полная, красивая, здоровая, и почтальонъ высокій, блондинъ и стройный, котораго занесло метелью въ избу... И въ той жестокости, съ какою Чеховъ относится къ дьячку, вы ясно чувствуете ненависть къ некрасивому за то, что онъ некрасивъ—а больше нѣтъ тутъ никакой вины—и очарованіе красивымъ за то, что оно красивое, и потому имѣть право угнетать некрасивое и издѣваться надъ нимъ...

Право душевной красоты—вотъ право Вершинина. Безправіе некрасиваго—это судьба Кулыгина, сбриншаго себѣ усы и ставшаго еще болѣе некрасивымъ. Кулыгинъ—хорошій человѣкъ, но онъ некрасивъ и потому обреченъ. И баронъ хорошій человѣкъ, но некрасивъ, и тоже обреченъ. И рѣшительно неважно, будетъ ли однимъ барономъ больше или меньше. У сѣраго и обыденнаго нѣтъ моральнаго права на существованіе, какова бы ни была эта сѣрость и обыденность, хотя бы высоко-добродѣтельная и высоко-порядочная, какъ у барона. Не жалко!

Жизнь, лишенная радости побѣды и опьяненія борьбы,—а такова была жизнь Чехова, надломленнаго и увядающаго, не говоря уже о свойствахъ его темперамента—неизбѣжно ведетъ къ философско-эстетической замкнутости, къ мечтѣ о красотѣ. Праздность, увы, основа эстетическаго воспріятія міра. И любопытно, съ нашей точки зрѣнія, отмѣтить, что Чеховъ всегда писалъ о «тягости» работы, о томъ, что какъ де хорошо было бы не писать—чудесно!—да вотъ нужно! Работа, трудъ—это физиологія. Отдыхъ—это эстетика. И когда Соня говоритъ, что «мы отдохнемъ», она рисуетъ небо въ алмазахъ и поющихъ ангеловъ. Когда Раневская думаетъ объ отдыхѣ отъ своей жизни,—опять: «о, мое дѣтство, чистота моя! О, садъ мой! Опять ты молодъ, полонъ счастья,

Дача А. П. Чехова въ Ялѣ.

ангелы небесные не покинули тебя! И Вершининъ, какъ объ отдыхѣ, мечтаетъ о жизни черезъ триста-четыре года — жизни «невообразимо прекрасной».

У Чехова не было религиознаго міросозерцанія—въ этомъ онъ сознавался неоднократно. Не было точныхъ общественныхъ идеаловъ—и въ этомъ онъ сознавался. Онъ былъ, быть можетъ, несчастенъ сознаниемъ того, что лишены этихъ благъ, но это такъ. «Почему вы любите такъ колокольный звонъ?»—спросилъ его А. Л. Вишняковскій. «Это единственное, что у меня осталось отъ религіи»—отвѣтилъ онъ. Онъ не былъ равнодушенъ—ибо равнодушіе предполагаетъ сознательность—ни къ вопросамъ религіи, ни къ идеаламъ общественности. Онъ могъ радоваться, что «скоро у насъ будетъ конституція» (воспоминанія А. И. Куприна). Но развѣ возможно этими фактами и утверждениями возражать противъ того, что у Чехова не было вѣры? У насъ разсуждаютъ какъ то странно. Вотъ человѣкъ радуется, что будетъ конституція или работа для обученія народа грамотѣ—значитъ, на лицо идеалы общественности. Но тонкая, воспитанная, живая натура, вѣдь, не можетъ быть безчувственнымъ бревномъ ни въ одной области. Вѣдь навѣрное Чеховъ возмущался, когда били скотину и запрягали въ огромный возъ съ кладью замороженную извозничью лошадь. Однако нельзя же сдѣлать отсюда заключеніе, что смыслъ жизни былъ найденъ—въ служеніи обществу покровительства животнымъ. Вѣрить въ прогрессъ, въ науку—значитъ, вѣрить мысли. Но вѣря мысли, можно оставаться несчастнымъ и холднымъ, неутѣшеннымъ и несогрѣтымъ. Базаровъ вбѣрилъ въ науку и въ точное знаніе, какъ самый преданный ученикъ. Но онъ говоритъ: «мужикъ будетъ благоденствовать, а изъ меня будетъ расти лопухъ». Это пониженіе «тонуса» жизни, основное ничтожество которой ярко встаетъ передъ глазами. Главное, «жизнь проходить». Главное—живемъ мы всѣ «на черномъ», и все надѣмся, что заживемъ «на бѣломъ» (по чеховскому выраженію), а этого то и не случится: «жизнь проходить»,—«пропала жизнь!» Эту глубокую тоску по уходящей жизни можно понять только чувствуя, какъ она уходитъ. Она уходитъ въ нормально-физиологическомъ своемъ теченіи, такъ незамѣтно, какъ незамѣтно охлаждается земля. Но когда притупляются инстинкты, когда открывается

предъ созерцаніемъ конечнаго физиологія жизни, когда чувствуешь физиологію жизни подобно тому, какъ чувствуешь больную печень или встревоженное сердце—тогда уходящая жизнь есть источникъ равнаго, неизмѣннаго пессимизма, роковой грусти въ ожиданіи конца.

И вотъ, куда идти? чѣмъ утѣшиться? Уйти въ исканіе красоты; утѣшиться изяществомъ какихъ то новыхъ, невиданныхъ, «невообразимо прекрасныхъ» формъ. Если хотите, вообще, уйти въ форму... «Три сестры»—это исканіе формы, какъ и «Чайка». «Новыя формы нужны, а если нѣтъ новыхъ формъ, такъ ничего не нужно», какъ говоритъ Треплевъ. Новая форма, какъ эволюція, какъ идея прогресса, покрывающая роковую мысль о близкомъ концѣ. «Думайте, 22-го торги!» Новая форма, съ другой стороны, какъ плѣнительный образъ изящества. По изяществу вся

тоска Чехова. Мы не можемъ быть счастливы — это ясно. Мы не можемъ быть радостны—ибо отъ религіи остался «колокольный звонъ»; мы не можемъ быть бодрны и жизнедѣятельны — потому что не знаемъ, гдѣ истина и въ чемъ истина. Но мы можемъ быть изящны, все болѣе и болѣе изящны. Мы физиологичны — какая гадость! — по необходимости. Но создадимъ и здѣсь изящество. Пропала жизнь,—но жива поэзія. Подло пропала жизнь, но небо сверкаетъ алмазами.

Петя Трофимовъ — прекрасный юноша, но онъ неизященъ. Отъ того, что онъ неизященъ, и что борода у него растетъ, какъ перья, и что у него нескладныя калоши, въ которыхъ онъ ступаетъ даже по комнатамъ, онъ вызываетъ улыбку. Онъ — хорошій

человѣкъ. И Епиходовъ—хорошій человѣкъ. И Лопухинъ — смѣлый человѣкъ. Но всѣ они неизящны. А никому ненужный, утилитарно нелѣпый «Вишневы садъ», гдѣ живутъ совершенно непригодные уже осужденные люди—изященъ. На немъ почіетъ благодать эстетическаго отдыха и утѣшенія. Голубиная чистота, и перья вмѣсто бороды—почему это такъ часто встрѣчается? Почему появляется чувство эстетической безгнѣвности, когда люди дѣятельно, бодро и увѣренно мѣшаютъ жизнь? Почему такъ много грустной поэзіи на деревьяхъ стараго сада? И отчего рай земной есть область ничегонедѣланія?

Не высокомеріе къ людямъ, а тоска по красотѣ—вотъ въ чемъ вся душа Чехова, особенно послѣдняго періода его жизни. У него нѣтъ мины аристократи-

Куприна. Вишняковскій съ колокольным звонъ. и что будет, какъ сам жизнь. и у Куприна / Какъ жизнь в. Зан. и. /
Тоска по красоте, по изяществу. Но мы можемъ быть изящны, все болѣе и болѣе изящны. Мы физиологичны — какая гадость! — по необходимости. Но создадимъ и здѣсь изящество. Пропала жизнь,—но жива поэзія. Подло пропала жизнь, но небо сверкаетъ алмазами.
Вашъ А. П. Чеховъ

Автографъ А. П. Чехова.
(Изъ письма А. П. Чехова къ А. Р. Куприну).

ческаго превосходства, какую можно поддѣлать у Тургенева, который какъ будто всегда подчеркиваетъ, что онъ-то знаетъ, что красиво и въ чемъ красота. Чеховъ этого не знаетъ; едва-едва смутно чувствуетъ. Онъ знаетъ, что некрасива жизнь и пошла, скучна, противна ея физиологія; что нужно отдохнуть въ доиъ изящнаго; что мечты объ изящномъ — это все, чѣмъ красна жизнь. Но когда, гдѣ, какъ? Черезъ три-ста-четыре-ста лѣтъ, можетъ быть... И что тогда? Тогда жизнь будетъ «невообразимо прекрасной», т. е. такъ прекрасна, что сейчасъ и судить объ ней не смѣемъ.

Стремленіе къ красотѣ и къ изяществу было смутной, но необычайно въ то же время определенной потенціей души Чехова. Возможно, что и воспоминанія дѣтства, такого мѣщанскаго по условіямъ своимъ, такого сѣраго и неизящнаго, укрѣпляли тоску его по красотѣ, по деликатности, по изяществу, по чему то совершенно, совершенно противоположному и потому «невообразимому». Онъ не кричалъ объ этой красотѣ, не проповѣдывалъ, какъ Рескинъ, очищеніе земли и скверны ея черезъ эстетику и эстетическое воспитаніе. Чеховъ, вообще, не проповѣдывалъ. Но, весь во власти своей тоски по невообразимо прекрасному, онъ самъ былъ прелестнѣйшимъ эстетическимъ феноменомъ. Его «настроенія» — въ сущности, настроенія одного и того же рода: столкновеніе чаемой красоты съ разочарованіемъ дѣйствительности; пресыщеніе дѣйствительностью, сонъ жизни, внезапно разбуженной зовомъ ея физиологическихъ процессовъ. Отчего прекрасно? Отчего исторія дамы съ собачкой, зародившаяся на закатѣ солнцемъ радостномъ уголкѣ, вдругъ стала неизящной? Почему около пугливыхъ, какъ серны, женскихъ душъ Сони, профессорши, Анн — какая то подагра, ослиная голова Серебрякова, перья трофимовской бороды и трагедія епиходовской некультурности?

И такъ какъ это неизмѣнно, душа Чехова тоскуетъ. Разбитыя грезы о «невообразимой красотѣ» звучатъ, какъ «лопнувшія струны...»

«И въ торжествѣ красоты, въ излишкѣ счастья чувствуешь напряжение и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнуть даромъ для міра...» («Степь»).

Такой напряженно тоскующей по красотѣ «степью» была душа Чехова...

Нотъ novus.

Художественно-Общественный Театръ

Противъ ряда «ОРЕНТАЛЬ».

Въ Четвергъ, 17-го Декабря,

ПОСТАВЛЕНА БУДЕТЪ слѣд. пьеса

Ч А Й К А.

Дѣйствіе въ 4-хъ дѣйствіяхъ соч. Антона Чехова.

Директоръ пьесы

Миримъ Михайловичъ Ардашевъ по пьесу
Тренкина, либретто О. А. Косовича,
Композиторъ Гавриловичъ Тренкинъ со
словъ Н. Я. Михайловскаго
Петръ Ивановичъ Сорокинъ со словъ В. В. Лужинскаго.

Программа перваго представленія «Чайки».

Программа перваго представленія «Чайки» въ Художественномъ театрѣ.